

М. Е. Сергеенко

СКРОФА И АПОЛОГИЯ КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Среди многочисленных источников по истории древнего Рима, изученных, казалось бы, вдоль и поперек, имеется один, мимо которого и наши и западные ученые прошли, не удостоив его вниманием. Это латинские сельскохозяйственные писатели, дошедшие до нас только в отрывках, немногочисленных и по большей части кратких. В 80-х годах прошлого столетия ими воспользовался как материалом для диссертации обычного типа немецких докторских диссертаций Рихард Рейценштейн: он собрал почти все места, где имеются ссылки на этих писателей и приводятся цитаты на них, и снабдил этот каталог кратким и бесцветным введением¹. После Рейценштейна память «утраченных сельскохозяйственных писателей», как их официально именуют, никем не была тревожима, и только увесистые немецкие справочники посвящали им — по обязанности — несколько строчек петитом каждому — нечто вроде надписей на могилах, всеми забытых и никому не нужных.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что отрывки эти заслуживают внимания и что в них содержится материал, ценный отнюдь не для одной истории агрикультуры. Фрагменты Сазерны дают, например, возможность восстановить картину хозяйственных отношений в Цисальпинской Галлии II в. до н. э.: факты, о которых сообщает Сазерна, напрасно было бы искать еще в другом месте. Фрагменты Скрофы приоткрывают ту борьбу идей, которая кипела вокруг аграрной реформы, пачатой Гракхами, и позволяют взглянуть на идеологические позиции, с которых противники Гракхов отстаивали необходимость крупного землевладения.

Тиберий Гракх обосновывал свой земельный закон соображениями государственной необходимости. Он говорил о том, что крестьянство обнищало, а страна обезлюдела, что Риму грозит опасность потерять свои завоевания «от слабости и ненависти». Слова эти не были только риторическим преувеличением. Мы имеем данные переписей за ряд лет: начиная со 164 г., число граждан неуклонно падает: проводить рекрутские наборы становится все труднее. Гай Гракх проводит закон, из которого явствует, что ряды легионеров приходилось пополнять мальчиками, не достигшими 17-летнего возраста; страна, выставившая против Ганнибала 23 легиона, теперь с трудом могла набрать 8. Такие факты были грозным предупреждением, и сторонники Гракхов имели все основания рассматривать их

¹ R. Reitzenstein, De scriptorum rei rusticae libris deperditis, Diss., Berlini, 1884.

аграрное законодательство как проявление мудрой заботливости, стремящейся исцелить язвы государства. Чем могли ответить им противники Гракхов? Аппиан приводит жалобы крупных землевладельцев, которые, по закону Тиберия, лишались государственной земли, ими захваченной: «... они ссылались на то, что давным-давно обрабатывают (эту землю), говорили о своих посадках и постройках, о том, что они купили (свой участок) у соседей—неужели вместе с землей потеряют они и свои деньги? У некоторых на этой земле были отцовские могилы, и они получили эти участки по наследству от родителей; другие истратили на эту землю женино приданое или отдали ее своим дочерям, выходившим замуж...» (App., b. c., I, 10). Все эти доводы были по-своему сильны и в своей среде звучали очень убедительно. Слабой стороной их было, однако, то, что во всех этих возражениях не было и следа мысли о государственной пользе. Знаменательно, что и Аппиан и Плутарх, используя дружественную для Гракхов традицию, приводят именно эти—ничтожные, если их брать в государственном аспекте,—возражения. Между тем, среди оптиматов было, конечно, достаточно людей, которые понимали, что против соображений, которыми Гракх защищал свое земельное законодательство, они должны выдвинуть свои—такие, чтобы их можно было защищать также с точки зрения государственной необходимости. Надо думать, что ими и была построена апология крупного землевладения, исходившая именно из соображений государственных. Отголоски этой апологии мы найдем у Плутарха, когда он говорит: «... богатые... старались остановить бедных, потому что Тиберий предлагает раздел земли, чтобы сокрушить государство», а также у Цицерона: «... Оптиматы боролись (против земельного закона, внесенного Т. Гракхом): они видели, что им поднята в государстве рознь, и считали, что, стоня состоятельных людей с их давних владений, он лишает государство его первых защитников» (Plut., Ti. Gr. 9; Cic., pro Sest. XLVIII, 103). Анналистика, враждебная Гракхам, проицировала их аграрное законодательство в прошлое, в V в. до н. э., приписывая его консулу Спурию Кассию, который мечтал захватить царскую власть с помощью земельного передела. У Дионисия Галикарнасского, пользовавшегося для своих «Римских древностей» источниками, частью восходящими к современной Гракхам эпохе, есть любопытнейшая защита крупной земельной собственности (Ant. Rom., VIII, 73, 4—5). Защита эта вложена в уста Аппия Клавдия, горячего противника реформы: «... бедняки перестанут желать подушного раздела земли, поняв, что выгоднее им совместное со всеми общее владение землей, чем обладание каждому маленькой долей. Мы им объясним, как велика здесь разница. Бедняк получает небольшой кусок земли, и, если соседи ему попадутся плохие, он не в силах будет сам справиться с землей из-за своих недостатков; а если соседей не будет вовсе, некому будет взять его участок в аренду. Если же государство будет сдавать (общественную землю) большими участками, которые покроются разнообразными и доходными культурами, то они получают большой доход: им выгоднее будет, отправляясь на войну, получать деньги из государственной казны на хлеб и на паек, а не вносить еще каждому из собственного хозяйства в казну, когда и так нищета, а тут надо еще добывать денег».

Итак, крупная аренда государственной земли—вот что выгодно беднякам и выгодно всему государству, у которого оказывается и полная казна и превосходно снаряженное на государственный счет войско. Можно не сомневаться, что во всех приведенных цитатах мы слышим отголоски той идейной программы, которую сочинили противники Гракхов, стремясь доказать, что ими руководит отнюдь не «жадность и корысть», в которых источник, дружественный Гракхам и широко использованный Плутархом,

постоянно их упрекает, а самая настоящая забота о государственных интересах.

Грахп были убиты, и дело их погибло. И, однако, мысль о земельных реформах прочно держится в умах. В 104 г. трибун Марций Филиппи провозносит свою, по определению Цицерона, «преступную речь», в которой заявляет, что в стране нет и двух тысяч человек, которые имели бы недвижимую собственность, и требует раздела земли (C i c., de off., II, 21, 73); предложениями аграрных реформ выступают в течение I в. до н. э. и Сатурнин, и Ливий Друз, и Сервий Рулл. Крупные землевладельцы чувствуют себя под угрозой, фактически, может быть, и не страшной—все проекты наделения землей терпели крушение—и тем не менее раздражающей и надоедливой. Надо обороняться—агрономический трактат Тремеллия Скрофы был задуман именно как защита крупного земледелия. Варрон, выдвинувший Скрофу на передний план, в первых двух книгах своего «Сельского хозяйства» живо рисует общество, полноправным членом которого является Скрофа. Это были люди, которые выполняли ответственные государственные поручения, управляли провинциями, стояли во главе войск и собственными глазами повидали чуть ли не всю тогдашнюю *oikouméne*. В просвещении они стоят наравне со своим веком: им знакомы самые разнообразные области знания—философия и право, история и литература. Они читают Аристотеля и Дикеарха, «Анналы» Пизона и Катоновы «Начала», декламируют Энния, знают вдоль и поперек Плавта и Цецилия, и в разговоре им трудно обойтись без цитаты из Гомера. Все они в большей или меньшей степени понимают толк в сельском хозяйстве, и все они крупные землевладельцы.

Материал, который позволяет нам выделить Скрофу из этого общества и говорить о нем, как об отдельной личности, довольно скуден. Собрав вместе данные, рассеянные Варроном в его «Сельском хозяйстве», мы получим кое-что для биографии и характеристики Скрофы; ценным дополнением будут замечания Колумеллы, приводимые обоими писателями отрывки самого Скрофы и несколько слов о нем у Плиния Старшего.

Тремеллий Скрофа был современником Варрона и принадлежал к среднему кругу римской правящей аристократии—к тем людям, которые, принимая непосредственное участие в управлении государством, не играли руководящей роли и не занимали командных постов. Мы не знаем ни одного консула Тремеллия, и наш Скрофа дошел только до претора. Гордостью рода было то обстоятельство, что семь его членов подряд носили это звание. Седьмым был как раз наш Скрофа, и он упоминает об этом с видимым удовольствием (V a r r o, r. r., II, 4, 2). У него было несколько имений (*fundi eius*, там же, I, 2, 10), по крайней мере одно из них находилось под Римом. Сам он говорит о себе, что хозяйством он увлекался с раннего возраста (V a r r o, r. r., II, 4, 3), но интересы его были сосредоточены не на одном хозяйстве. Одарен он был, повидимому, умом живым и любознательным: Колумелла говорит о его пристрастии к старой философии (II, I, 2), Варрон засвидетельствовал его превосходное—до мелочей—знание Теофраста (r. r., I, 7, 6—7). Характерно, что отрицательный отзыв о Теофрасте: «книги его годятся для тех, кто хочет работать в школах у философов, а не в поле» (r. r., I, 5, 1) Варрон не осмелился приписать Скрофе: очевидно, он прозвучал бы в его устах неправдоподобно. Если Колумелла (II, 1, 2) дословно привел цитату из Скрофы «земля, всеобщая мать, словно существо женского пола, истощенное старостью, не в состоянии больше родить» (*parentem omnium terram sicut muliebrem sexum aetate anili iam confectam progengerandis esse fetibus inhabilem*), то она свидетельствует о прилежном чтении Лукреция и о хорошем знакомстве с ним: это отголосок его слов (*de r. nat.*, V, 826): *Sed quia*

finem aliquam pariendi debet habere, destitit, ut mulier spatio defessa vestusto. Специальную сельскохозяйственную литературу знал он, повидимому, широко: из его отрывков видно, что он читал и Магона и Ксенофонта и эллинистических сельскохозяйственных писателей, которыми, при позднейших переработках, дополнили Магона (С о 1., I, 1, 6; II, 8, 5). Прекрасный хозяин вообще, он особенно хорошо знал такие отделы, как скотоводство—Варрон говорит, что он мог быть учителем в этой области (г. г., II, 1, 2),—и садоводство: тот же Варрон рассказывает, что сады Скрофы приводили на память Священную дорогу в верхней ее части, где находились самые лучшие в Риме фруктовые лавки, торговавшие таким товаром, что за него надо было расплачиваться золотом (там же, I, 2, 10). Любители и знатоки сельского хозяйства презжали к нему полюбоваться на его плодохранилища. Мы не знаем, когда и по какому непосредственному поводу решил он собрать весь свой опыт и знания в трактате о сельском хозяйстве. Обладал он, повидимому, незаурядным литературным дарованием: по крайней мере, Колумелла, человек с хорошим вкусом, выразительно подчеркивает, что Скрофа «сделал агрономию красноречивой» (I, 1, 12) и что он «передал наставления по сельскому хозяйству с изяществом и со знанием дела» (II, 1, 2). Книга его до известной степени выдержала испытание времени: сто слишком лет после ее появления ее читал и ценил такой знаток хозяйства, как Колумелла; Плиний пользовался ею для 11-й, 14-й, 15-й, 17-й и 18-й книги (Pl., NH, I, перечень использованных авторов для названных книг) своей «Естественной истории», т. е. для полевого хозяйства, виноградарства и плодоводства, а также, по всей вероятности, и для пчеловодства (IX кн.).

Вся эта сельскохозяйственная эрудиция (обломки ее, дошедшие до нас чрезвычайно интересны для истории агрономии), преподнесенная, вероятно, на фоне общей широкой образованности, имела целью своей не только научить хозяйничать: она очерчивала волшебный круг, внутри которого было место только хорошим хозяевам. Чтобы войти в него, надо было «знать, мочь и хотеть»: по всей вероятности, в самом начале своего труда лаконически сформулировал Скрофа это требование: «только у того земля будет превосходно обработана, кто узнает как ее обрабатывать, сможет и захочет ее обработать» (С о 1., I, 1, 1). Эта, невинная с виду формула при ближайшем рассмотрении оказывается не чем иным, как лозунгом, которым крупные землевладельцы объявляют, что только они могут как следует вести хозяйство, только у них земля будет обработана на славу (*cultissimum rus*) и, следовательно,—вывод этот напрашивается сам собой—только крупное землевладение выгодно государству. Попробуем проанализировать слова Скрофы на основании того материала о нем, которым мы располагаем.

Итак, хозяин должен «знать». Почему, однако, отказывать в знании мелкому землевладельцу? Земледелие основывается на опыте, и старейшие агрономические книги Италии—Катон и Сазерна—представляли собой в значительной степени только сводку векового дедовского опыта. Грамотность в древней Италии была широко распространена, прочесть Катона или Сазерну было вовсе не таким уже трудным делом. Скрофа, который на практике неоднократно ставил собственные наблюдения и опыт выше чужеземных авторитетов (С о 1., I, 1, 6; II, 8, 5), противореча сам себе и, вероятно, не замечая этого противоречия, объявил необходимым ингредиентом знания знакомство с греческой наукой. Чтобы доказать эту необходимость, надо было нанести удар родной, национальной агрономии, и Скрофа не остановился перед этим и во всеуслышание провозгласил, что латинская агрономическая наука по существу ничего не стоит. Варрон сохранил для нас отзыв Скрофы о сочинении Сазерны, выдающегося хозяина и сель-

скохозяйственного писателя второй половины II в. до н. э. По словам Варрона. «Скрофа знал эти книги и презирал их» (r. r., I, 2, 25). Отношение к Сазерне определяло и отношение к Катону, так как сочинения и того и другого строились, в основном, по одному типу. Если, однако, с точки зрения любого научно разработанного греческого трактата, Сазерна и Катон представляли собой беспорядочный ворох всяческих сведений, то это обстоятельство для беспристрастного читателя не было еще достаточным поводом для «презрения», которое Скрофа испытывал к этим авторам. Превосходный хозяин-практик, он как раз был в состоянии оценить те сокровища агрономического опыта, которые у них были собраны и которые обеспечили агрономической науке древней Италии уважение наших современников. Если Скрофа поднял руку на своих предшественников, то сделал он это потому, что ему надобно было объявить людей, которым не по силам и не по средствам оказывалось получить греческое образование, невеждами. Кроме того, «знать», по мысли Скрофы,—это не только читать и учиться из книг: это еще уметь выбрать то, что пригодно и полезно, жалуются же латинские хозяева на то, что у Магона много неверных сведений (C o l., I, 1, 6). Можно ли, однако, рассчитывать на такое критическое чутье у непросвещенного простолудина? Характерно, что Скрофа в качестве примера, как неразумно можно использовать книгу, берет Магона, сельскохозяйственная энциклопедия которого, переведенная на латинский язык, была доступной и человеку, не знавшему греческого языка. Если Катон и Сазерна заслуживали только презрения, а советы Магона были «лживыми» (*falsa prodita*)—C o l. I, 1, 6), то тем самым двери настоящего агрономического знания перед бедняком-земледельцем закрывались плотно и навсегда. Первый член этой аристократически-надменной триады—знание—объявлялся для этих людей недоступным. Бедные пахари, не приобщенные к греческой науке, не могли «знать», как надобно обрабатывать землю.

Посмотрим, как обстояло дело со вторым членом: «могли» мелкие землевладельцы обработать как следует свою землю или нет? Мы упоминали уже выше слова Скрофы об истощении земли. Видимо, проводил он эту мысль настойчиво, иначе Колумелла не стал бы упрекать его в излишней склонности к учениям, исповедывавшим эту теорию. Что заставило нашего автора в сельскохозяйственном трактате повторять эту скорбную весть о постепенном обветшании мира?, почему прихвастала она ему так по душе? во всяком случае, он не собирался оставаться спокойным созерцателем того, как все падает и ухудшается. Надо было поставить какой-то барьер истощению земли—если не остановить, то, по крайней мере, задержать его. Средство для этого было давно известно италийскому хозяину: землю надо было удобрять. Сохранился отрывок Скрофы, перечисляющий растения, которые истощают почву (C o l., II, 13, 3); в противовес ему должен был, конечно, иметься другой список—список растений, удобряющих землю. А мог ли как следует удобрять землю мелкий хозяин? Ответом на это служит красноречивейший фрагмент нашего писателя: «нетронутые и лесные места, когда их начинают обрабатывать, дают щедрые урожаи, а вскоре вовсе уже не так вознаграждают труд земледельца» (C o l., II, 1, 5). Здесь значительно каждое слово, и на каждом следует остановиться.

Прежде всего, что разумет автор под «нетронутыми и лесными местами» (*intacta et silvestris loca*) и почему заходит речь именно о них? Где в Италии, представлявшей уже к половине I в. до н. э. «сплошной фруктовый сад», по выражению Варрона (r. r., I, 2, 6), могли находиться эти девственные пространства? Перед глазами Скрофы вставали, конечно, просторы пастбищ и пустошей, входивших в состав общественной земли, того *ager publicus*, который и после Гракхов, уже значительно урезанный, оставался

фондом, подлежащим по проектам разных аграрных реформ превращению в небольшие наделы для бедняков. Стоило ли государству нарезать эти наделы? вначале, спора нет, они принесли бы прекрасные урожаи, а дальше? «Они не вознаградили бы труда хозяев», говорит Скрофа,—иными словами, попытка создать мелких собственников была в самом основании своем порочной: мелкий хозяин неизбежно обречен на нищету, потому что он «не может» обработать свой участок как следует и не может приостановить роковое истощение земли. В интересах ли государства отдавать свою землю тем, в чьих руках она не принесет дохода и год от года будет становиться хуже и хуже?

Хозяиничать должен только тот, кто «может» этим заниматься. Колумелла в полном согласии с мыслью Скрофы прокомментировал его «может», как «возможность тратиться» (*facultatem impendendi*—I, 1, 1). Скрофа и здесь проводил резкую границу между старым, дедовским способом хозяиничать и тем, который он считал единственно возможным и рациональным. Вспомним старого Катона, который на первой же странице своего «Земледелия» предостерегал начинающего хозяина от расходов: «Смотри, чтобы оборудования было поменьше и чтобы на имение не надо было много тратиться. Помни, что с землей, как с человеком: сколько бы он ни наживал, если он много проживает, то прибыли ему мало» (*S a t o, de agr.*, 1, 6). Мы не знаем, на что рекомендовал Скрофа хозяину тратиться, да, в конце концов, это и не важно: «способность тратиться», у мелкого землевладельца, конечно, отсутствовала. У него могла быть только «воля к действию» (*voluntas agendi*), но каждому ясно, что эта воля, не подкрепленная знанием, без опоры в материальных средствах, создать «превосходное хозяйство» (*cultissimum rus*), выгодное для государства, не могла.

Тиберий Гракх сказал когда-то, что люди, которые сражаются и умирают за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света; что у тех, кого называют владыками вселенной, нет собственного комка земли. Те, кто фактически отнял у италийского крестьянства землю, не удовлетворились этим: им надо было, если можно так выразиться, закрепить за собой эту землю идеологически. Мысль богатого землевладельца упорно работает в этом направлении: к середине I в. до н. э. мы имеем стройно обоснованную теорию, объявляющую, что хорошее, т. е. единственно выгодное для государства, хозяйство может вести только богатый человек. Тем, «кто сражался и умирал за Италию», было теперь не только отказано в «комке земли»: за ними отрицалось право даже притязать на него.

